

Н.А. Куценко

К вопросу о формировании русской философской лексики в первой половине XVIII века

Одним из важнейших вопросов существования и развития философии является вопрос о языке, на котором происходит процесс мышления, коммуникации и закрепления знания. В отечественной традиции таким языком был изначально церковнославянский, сохраняющий свое значение в православном богослужении до сего дня и бывший до XVIII в. языком богословской и философской мысли.

Богословско-философская лексика стала формироваться после крещения Руси под влиянием греческой и в духе кирилло-мефодиевских переводов. Ее особенность состояла в том, что она создавалась на базе церковнославянского языка и была единой для всего региона *Slavia orthodoxa*, т.е. стран православной славянской культуры¹. Именно тогда стал складываться фонд философской и богословской литературы, где вначале доминировали тексты в переводах: творения отцов церкви – Иоанна Златоуста, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, исторические хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, агиографические и эпистолярные сочинения, сборники афоризмов вроде «Пчелы». Позднее к ним добавились «Диоптра» Филиппа Пустынника, наиболее фундаментальный антропологический трактат византийского происхождения, и корпус сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита.

Первым оригинальным древнерусским сочинением, имеющим глубокое богословско-философское содержание, явилось «Слово о Законе и Благодати», созданное митрополитом Иларионом Киевским в середине XI в. и гармонично сочетающее в себе хрис-

тианский универсализм и подлинный патриотизм. Постепенно возникают энциклопедические словари-толковники, получившие впоследствии названия Азбуковников, где переводились термины более чем из 20 языков, преимущественно из греческого, латинского, древнееврейского.

Уже в домонгольский период формируется собственная национальная философская и богословская школа православной экзегезы, к которой, кроме упомянутого выше Илариона Киевского, можно причислить Климента Смолятича, Кирилла Туровского, митрополита Никифора, Владимира Мономаха и некоторых других мыслителей². В большинстве своем это были ученые монахи, не являвшиеся профессионалами в философии (что подразумевало корпоративную принадлежность к группе обособившихся интеллектуалов), но бывшие подлинными мастерами в деле осмысления философской проблематики и имевшие существенное влияние на древнерусское общество.

В XV–XVI вв. по мере укрепления Московского государства создается его развитая феодальная структура, в рамках которой на отечественной почве складывается собственная интеллектуальная гуманитарная традиция, включающая богословскую и философскую мысль. Создается полный перевод Библии, так называемая Геннадиевская Библия (1499 г.), осуществляется ряд рукописных переводов с греческого, латинского, немецкого, польского и других языков. Среди переведённых текстов можно упомянуть «Аристотелевы врага», «Луцидариус», «Хронику» Мартина Бельского, «Логику Авиасафа» и другие памятники европейского происхождения.

В целях грамотного перевода и правильного истолкования заимствованной из иностранных языков терминологии самими переводчиками создаются словари разного типа, среди которых наиболее обширными стали Азбуковники, имевшие характер лексикографических справочников энциклопедического плана³. С их помощью в русский язык вводились такие термины, как «базис», «аллегория», «генезис», «материя», «софистика», «вселенная», «космос» и многие другие⁴.

В эпоху Московской Руси среди наиболее ярких имен можно выделить Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Артемия Троицкого, Зиновия Отенского. Выдающимся мыслителем XVI в. был Максим

Грек, филолог, философ, богослов и переводчик в одном лице, принесший высокую византийскую учёность и возрожденческую лингвистическую подготовку на русскую почву. Он четко разделял православную богодухновенную философию и латинскую традицию, базировавшуюся на аристотелевской силлогистике, подчеркивая сущностную глубину первой и ограниченный практицизм второй, критикуя схоластический метод в философии и богословии. Вокруг Максима Грека сформировался кружок последователей и «совопросников», в число которых входили Вассиан Патрикеев, Федор Карпов, Андрей Курбский⁵. В среде русских мыслителей (а Максима Грека можно к ним причислить уже потому, что он писал на современном ему русском языке) это было нечастым явлением. Обычно они представляли собою талантливых одиночек, которые, как подчеркивалось в источниках, в Афинах не учились и премудростей философских не изучали. За намеренным самоуничижением важно разглядеть в этой риторической фразе по-настоящему интересные творческие личности, которые компенсировали отсутствие профессиональной «афинской» подготовки собственным углубленным самообразованием.

В XVII в. начинается постепенное внедрение латинской системы преподавания философии и богословия через украинское, белорусское, польское посредничество. Соответствующие курсы риторики, логики, философии, этики, читавшиеся в Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академиях (философия читалась в Киево-Могилянской академии с 1634 г., в Славяно-греко-латинской академии с 1687 г.), строились в манере поздней схоластики и по методике европейских университетов, из которых наиболее влиятельным был Краковский Ягеллонский университет. Самой яркой личностью компромиссного типа был Симеон Полоцкий, хорошо знавший западную, латинскую и одновременно восточную, православную традицию. Возглавляя партию латинствующих, он много сделал для трансформации отечественного богословия и философии в западном направлении. Создав «Рифмотворную Псалтырь», он заложил основы отечественной силлабической поэзии с философским содержанием. Его противники из грекофильской партии постепенно сдавали позиции⁶. Схожая коллизия возникнет между патриархом Никоном и старообрядцами. Старая допетровская традиция как бы уходила вглубь национальной культуры, она проявит

себя уже в XIX в. в деятельности славянофилов, почвенников и их последователей, которые получали высшее образование в российских университетах и академиях, а не только «во французской стороне», и имели возможность как историки, филологи, философы, богословы оценивать отечественное культурное наследие.

В первой половине XVIII в. в России происходят серьезные изменения в области образования, культуры, общественного сознания в целом. Коснулись они и развития философского и богословского знания, что выразилось, в частности, в формировании на протяжении всего столетия русского профессионального языка науки. Если обратиться к общей картине изучения данного вопроса, можно констатировать, что последний интересует филологов более, чем философов⁷. В философской литературе обсуждается в основном вторая половина XVIII в., когда из единого гуманитарного знания окончательно выделяются как профессиональная философия, так и профессиональное богословие. В это же время в Российской империи формируются системы раздельного светского и духовного образования.

Появляется светская философия, аналогичная существующей в Европе, связанная с научным знанием. Происходит не только дифференциация знания, но и дифференциация языка. В России вслед за Западной Европой начинает утверждаться теория двух истин – о «внешнем» и «внутреннем» знании. Согласно ей науки, в числе которых оказывается философия, рассуждают о вещах конечных и материальных на своём профессиональном языке. Вера же базируется на Откровении, Священном Писании и Предании. Служители церкви используют при этом терминологию на церковнославянском языке, являющемся хранителем православной традиции. Что касается богословия как теоретической части религиозного сознания, то начиная уже со второй половины XVII в. оно испытывает воздействие латинской учености, и потому в рассматриваемый период наблюдается сложное соединение традиционной богословской лексики и нововведенной⁸.

XVIII в. можно с полным правом называть «веком переводов». Вторая его половина характеризуется появлением (а отчасти обогащением) самостоятельно развивающейся русской философской лексики. Как в духовном, так и в светском образовании постепенно внедряется русский язык преподавания. С 1765 г. Платон (Левшин)

впервые вводит преподавание написанного им курса богословия на русском языке в Троицкой Лаврской семинарии. С 1775 г., став Московским архиепископом и куратором Московской Славяно-греко-латинской академии, он вводит и здесь преподавание своего богословского курса (его первой части) на русском языке. Данный курс богословия разрабатывал и Феофилакт (Горский), будущий ректор Московской духовной академии. Отметим, что при Платоне (Левшине) роль русского языка в образовании постоянно возрастала – это выражалось как в преподавании русской поэзии в основном в XVIII в. по «Правилам поэтическим» Аполлоса (Байбакова) и русской риторики (по М.В.Ломоносову), так и в ведении философских и богословских диспутов студентами Академии.

Напомним, что такие выдающиеся российские мыслители второй половины XVIII в. и деятели высшего светского образования, как Н.Н.Поповский, Я.П.Козельский, Д.С.Десницкий, Д.С.Аничков, С.Т.Забелин и другие, осуществляли и издавали переводы древних, средневековых и новоевропейских философских текстов на русский язык. Кроме того, Десницкому, Аничкову и ряду других профессоров Московского университета в конце 60-х гг. XVIII в. разрешено было читать студентам лекции по гуманитарным предметам на русском языке.

Михаил Ломоносов издал в августовском номере журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» на русском языке речь Н.Н.Поповского «О содержании, важности и круге философии», произнесенную им, согласно классической традиции, на латыни 26 апреля 1755 г., в день торжественного открытия Московского университета. Поповский подчеркивает, что «нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно. Что ж до особых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться. Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили по-римски, а коих не могли, то просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем»⁹. Так постепенно складывалась русская философская терминология.

Вместе с тем, как мы говорили выше, и в первой половине XVIII в. в этой сфере происходили важные процессы. В.В.Зеньковский справедливо подчеркивал, что весь XVIII в. был периодом, «когда Россия с чрезвычайной стремительностью и

даже горячим увлечением стала впитывать в себя итоги европейской культуры»¹⁰. Здесь нужно учитывать, что со второй половины XVII в. Россия испытывала воздействие «мягкой» западно-славянской латино-католической европеизации, осуществлявшейся под влиянием украинской, белорусской и польской культуры. Польские язык, мода, книги, обычаи были столь же популярны, как французские в последующем столетии. Петровские реформы начала XVIII в. пошли по иному пути. Ускоренная жесткая вестернизация по протестантскому образцу, осуществлявшаяся с помощью выходцев из неславянских народов Европы, привела к прогрессу в военном, промышленном, экономическом развитии, но принесла при этом проблемы в культурном плане, особенно в отношении к традиционному наследию, которое недооценивалось, грубо переделывалось на новомодный западный лад. В результате многое было утрачено или сознательно уничтожено, иногда и вывезено: древние книги, фрески, иконы, произведения прикладного искусства.

Поэтому особо необходима реконструкция исторически достоверного образа русской философской мысли в начале ее нового этапа. Для лучшего уяснения сложной и неоднозначной ситуации с терминологией отвлеченного мышления в первой половине XVIII в. обратимся к подлинным малоизвестным источникам рассматриваемого периода. С этой целью представим для примера два разнородных текста. Один из них обнаружен и описан Л.А.Черной в рукописном отделе РГАДА в 1987 г. и атрибутирован ею как «философский словарь начала XVIII в.»¹¹. Начало рукописи, к сожалению, утрачено, но по заглавиям двух последующих разделов исследователь дала тексту условное наименование «Толкование нужнейших вещей». Этот ценный памятник, с одной стороны, продолжает традицию Азбуковников как энциклопедических словарей, объяснявших заимствованные из иностранных языков понятия, имена, образы. Однако в нем начинает преобладать не алфавитный, а тематический принцип подачи материала. По поводу рассматриваемого предмета или термина составители «Толкования» приводят всю известную им информацию (например, в статье «О поясах небесных»). Цикл статей посвящен антропологической тематике, и группируется он вокруг статьи «О микрокосме». В целом для текста характерна церковнославянская лексика, понятная всем.

Вместе с тем неизвестный автор рассматриваемого текста проявляет большую эрудицию и знакомство с широким кругом церковных писателей и богословов конца XVII – начала XVIII в., таких как Кирилл Транквиллион Ставровецкий, Захарий Копыстенский, Памва Берында, Димитрий Ростовский, Стефан Яворский и другие. Ему известны зарубежные светские писатели (Цезарь Бароний и Гвидо де Колумна) и отечественные, например Леонтий Магницкий, автор знаменитой «Арифметики», которую М.В.Ломоносов называл «воротами учености».

Автор «Толкования» использует украинизмы, что может говорить о его малороссийском происхождении («албо», «омилия», «казание», «пара»). Его отличает стремление привлекать параллельные источники. Так, в натурфилософском фрагменте «О громе и молнии» он приводит как библейски-символические интерпретации Василия Великого и Григория Богослова, так и современные ему издания – «Ключ разума» Иоанникия Галятовского и «Зерцало богословия» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, где дается физическое объяснение происхождения рассматриваемых атмосферных явлений: «Во облаце родятся молнии, громы и перуны, егда сухую и теплую пару влажный и хладный вкруг облак обыдет»¹².

Природные явления рассматриваются в «Толковании» в духе концепции двух истин – как порождения «стихий», которыми занимается «внешнее» знание, т.е. естественные науки. Что же касается «внутреннего» знания, то его прерогативой является истолкование божественного и человеческого в их взаимосвязи. Человек при этом трактуется и как эмпирическое природное существо, связанное со стихиями мироздания, и как венец творения, имеющий богоподобный облик. Подобный дуализм, равно как и деизм, характерны для науки и знания XVIII столетия, пытавшихся соединить религиозное откровение и научное знание в некое целостное представление о мире и человеке. Были, разумеется, и крайние позиции в виде церковной ортодоксии и научного скепсиса, ставшего характерным для эпохи Просвещения.

Второй текст обнаружен автором статьи в 2007 г. в отделе рукописей РГБ. Эта рукописная книга, принадлежавшая Санкт-Петербургской духовной академии, представляет собой учебник на русском языке, озаглавленный «Философия естественная XVIII

века»¹³. Это фолиант, состоящий из 220 листов, писанный каллиграфом начисто, по-видимому, с черновика перевода. То есть писец и автор, скорее всего, разные люди. Рукопись находится в хорошем состоянии, все помарки каллиграфа, сделанные во время переписывания перевода (разрывы бумаги пером, пятна от воска и кerosина, от пищевых продуктов) аккуратно заклеены сверху и выправлены тем же почерком. В конце книги стоит пометка библиотекаря, датированная январем 1941 г. Книга была востребована лишь однажды для просмотра в 1954 г., но в научной историографии она осталась неизвестной и не введенной в научный оборот в качестве философского источника.

Данная рукопись представляет для историков философии особый интерес, и прежде всего потому, что история русскоязычного преподавания философии и других гуманитарных дисциплин изучена недостаточно. Историки философии делают только первые шаги в ознакомлении с процессами становления философского образования на русском языке в XVII–XVIII вв. и формирования современной научной лексики¹⁴. Это тем более важно, что многие выдающиеся научные, общественные и государственные деятели Российской империи, проявившие свои таланты в разных регионах России, вышли из стен духовных школ¹⁵.

Выскажем несколько предположений и гипотез относительно упомянутой рукописи, не претендуя на окончательное суждение, поскольку анализ первого выявленного русскоязычного философского памятника первой половины XVIII в. предполагает опору на опыт исследования текстов со сходной проблематикой. Хотя такой опыт практически отсутствует, все же сформулируем несколько вопросов и попытаемся на них ответить.

1. Каким временем можно датировать перевод? По водяным знакам в соответствии с каталогом Зои Васильевны Участкиной мы определили, что бумага изготовлена в 1723–1724 гг. в Амстердаме. Так что сам перевод целесообразно датировать не ранее этого времени, но и не намного позднее, т.е. в пределах 1724–1730 гг.

2. Кому в Санкт-Петербурге в 20-х–30-х гг. XVIII в. понадобился перевод с латыни (вероятно, он был осуществлен именно с учебными целями) на русский язык? Он мог быть сделан по заказу какой-либо из властных особ, например, Меншикова, стремящихся к высокой светской образованности. Он мог понадобиться просве-

шенным церковным иерархам (так, у Феофана Прокоповича в 10–20-х гг. XVIII в. была своя гимназия на р. Карповке). Позднейшая владельческая запись, принадлежащая Александро-Невскому монастырю и относящаяся к концу XVIII в. (сделана уже в современной орфографии) свидетельствует о том, что владелец фолианта был из духовного ведомства. Не будем забывать и о том, что по Указу Петра I в 1724 г. был основан Петербургский академический университет, преподавателям которого могли быть необходимы пособия по различным предметам на русском языке.

3. Кому принадлежит перевод и кто автор переведенного учебника? Наша гипотеза заключается в том, что автором учебника мог быть тот же философ, который являлся автором курса, прочитанного Георгием Щербацким на латыни в Киевской академии в середине XVIII в.¹⁶ Его в разных источниках называют Пурхотий, Пуршо, Пурхотиус. Известны и иные европейские рукописные и старопечатные учебники других авторов. Но для нас более важным представляется вопрос, кто был автором перевода на русский язык. Это мог быть Феофан Прокопович либо кто-то из его окружения. А может, автором или авторами были выходцы из Великого Новгорода, искавшие применения своим знаниям после реформ системы духовного образования, предпринятых тем же Прокоповичем? Последний вопрос поставили И.Л.Григорьева и Н.В.Салоников в статье «Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия»¹⁷.

Ниже представим данное в рукописи определение натуральной (естественной) философии¹⁸ в оригинале и переводе, а также предложим оглавление общего курса натуральной философии без ссылок на листы рукописи. Мы будем придерживаться современной лексики и орфографии, опуская особенности старорусского шрифта, но оставим некоторые колоритные особенности текста, поясняя наиболее непонятные слова в скобках.

«Философия натуральная

Понеже философия, яже есть познание вещей, кои человек естественного разума своего светлостию постигнуть может, вся сия под собою содержит, яже естественным разумом человеческим познаться могут, и в числе тех такожде приходят телеса. Сего ради к философии телес и их странствований и применений, имже подлежат, познание отнести подобает, яже зане суть вещи естественныя. Тую философии часть, которая о

естестве телес действует, и о началах, и о странствованиях, и о применениях, о различии и прочая философию естественною нарицати достоин. От некоторых же физика названа бяше, с греческого языка φυσικς, еже производить и рождагися знаменует. Понеже под ея рассуждением сия точи вещи естественныя суть, яже производят и производятся, раждают и раждаются, пременяют и пременяются, и есть телеса, понеже тая единая точию симь пременениям подлежат и взаимных пременений вины суть».

Перевод:

«Поскольку философия, каковая есть познание вещей, какие человек светом природного своего разума может постигнуть, в числе своих предметов имеет все то, что может быть познано природным человеческим разумом, то в это число входят также тела. Подобаает потому отнести к философии познание тел, их движений и изменений, которым они подлежат, потому что это явления природные. Ту часть философии, которая говорит о природе тел, о (их) началах, о движениях и изменениях, о различии и прочем, стоит называть естественной философией. Некоторыми же она была названа физикой – от греческого φυσικς, что означает производить и рождаться, поскольку в ее предметы входят только предметы природные, каковые производят и производятся, рожают и рождаются, изменяют и изменяются, и это есть тела, потому что они одни подлежат изменениям и являются причиной взаимных изменений».

Вслед за определением философии помещено содержание фолианта.

«Философия естественная. Содержание.

Часть первая. Глава 1. Определение материи. Глава 2–3. Определения её свойств: протяжения, цельности, делимости. Глава 4. О формах. Глава 5. О движении и его произведении, сохранении и приобщении. Глава 6. О наступлении и крузе (круге), иже в движении есть. Глава 7. О движении прямом, уклонённом и преломлённом. Глава 8. О тяжести. Глава 9. О разлиании (различении). Глава 10. Об опасности (опасность – неправильное внутреннее частей телодвижение, происходящее от неправильного перехода частиц тончайших в тело входящих. Вина опасности – суть частицы тонкие теплые). Глава 11. О скорости и носности (носимости) движения. Глава 12. О движении местном, прибавлении, и умалении, и применении. Глава 13. О покое. Глава 14. О качествах в роде. Глава 15. О свете, светлости, прозрачности и тени. Глава 16. О мерах. Глава 17. О редкости, густости, твердости, мягкости и фигуре. Глава 18. О звуце. Глава 19. О ухании (слухе). Глава 20. О вкусе. Глава 21. О хладе и теплоте. Глава 22. О времени и месте.

Часть вторая. О мире и положении телес между собою, и о телесах небесных и виде.

Глава 1. О мире. Глава 2. О положении телес между собою или о чинном мира расположении. (Рассматриваются «Картезия доводы» о вращении Земли вокруг Солнца, о планетах Солнечной системы, в частности говорится о третьем начале Картезия в §17. – *Н.К.*) Глава 3. О Небеси. Глава 4. О звездах утвержденных и Солнце. Глава 5. О прочих планетах. Глава 6. О естестве комет, происхождении и движении. Глава 7. О фигурах комет.

Часть третья. О телесах подлунных, живота лишенных.

Глава 1. О тяжести воздуха. Глава 2. О силе элестиновой (давления) воздуха. Глава 3. О парах и атмосфере. Глава 4. О росе, меде, инее, мгле, манне, облаках, дожде и граде. Глава 5. О Перуне, молнии, громе, о звезде загорающейся и падающей. Глава 6. О дузе Паргелии (радуге), Параделене и Короне. Глава 7. О ветре. Глава 8. О глобусе земноводном. Глава 9. О воде. Глава 10. О начале и различии источников и рек. Глава 11. О разлинии и взращении. Глава 12. Моря. Об огне. Глава 13. О земле, Солнце, соках земных и каменных. Глава 14. О магните. Глава 15. О рудах. Пропорции тяжести: золото, свинец, медь, железо, олово чистое, мрамор, кристалл, вино, ртуть, серебро, медь с каламином смешанная, олово обещее, камень, вода, воск, елей.

Часть четвертая. О живущих.

Глава 1. О летораслях (растениях). Глава 2. О семени животных. Глава 3. О рождении животных. Глава 4. О дыхании, голоде и жажде. Глава 5. О приготовлении пищи, вскармлении и о возрастании животных. Глава 6. О движении животных. Глава 7. О чувствах».

Рукопись заканчивается на листе 219 фразой: «Слава единому в Троице Богу давшему начати и совершити». В отличие от первого текста, представленного Л.А.Черной, данный текст характеризуется более строгой академичностью, структурной проработкой, проблемной детализацией. Заметна его связь со сведениями, почерпнутыми из научной, в частности физической литературы. Показательны в этом плане ссылки на Декарта. В целом памятник представляет собой преимущественно натурфилософское учебное сочинение, каковые были характерны для европейской и находившейся под ее влиянием отечественной мысли XVIII столетия.

Подведем итоги. Как показывает анализ представленных философских текстов, в первой половине XVIII в. в Российской империи утверждалась новая русская лексика, процесс внедрения которой начался с эпохи Петровских реформ. Изучение наследия русской философской и богословской школ показывает, что они имеют сложную историю становления и развития. Первый из известных

на сегодняшний день переводов на русский язык западноевропейского учебника, содержание которого было вкратце представлено выше, – еще одно тому подтверждение. Если в первые века развития гуманитарного знания после крещения Руси в отечественной книжности доминировали переводы с греческого в основном памятников византийского происхождения, то с XVI–XVII вв. вследствие падения Византии и переориентации на латинский Запад все более возрастает значение западной культуры и западной традиции. В XVIII в., образно называемом веком ученичества, отмечается наивысший подъем, пик западноевропейского влияния и активное его усвоение на отечественной почве, о чем свидетельствуют также и осуществлявшиеся в этот период переводы научной и учебной литературы.

Примечания

- ¹ См.: *Studia slavica mediaevalia et humanistica* Riccardo Picchio dicurata /M. Colucci e.a. Roma, 1986. V. I–II.
- ² См.: *Замалеев А.Ф., Зоц В.А.* Мыслители Киевской Руси. Киев, 1987.
- ³ См.: *Соболевский А.И.* Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVI веков. СПб., 1899; *Переводная литература Московской Руси XIV–XV веков* // Сб. ОРЯС. Т. 74. № 1. СПб., 1903.
- ⁴ См.: *Громов М.Н.* Философская лексика в древнерусских азбуковниках // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995. С. 54–64.
- ⁵ См.: *Громов М.Н.* Максим Грек. М., 1983.
- ⁶ См.: *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.
- ⁷ В качестве исключения можно привести исследование А.В.Панибратцева, в котором рассматриваются как филологический, так и философский компоненты единого гуманитарного образования. См.: *Панибратцев А.В.* Просвещение разума. Становление академической науки в России. СПб., 2002.
- ⁸ Методология исследования русскоязычных философских текстов XIX–XX вв. неприменима к исследованию аналогичного материала XVIII в., поскольку он нуждается прежде всего в филологических исследованиях.
- ⁹ *Русская философия второй половины XVIII века.* Хрестоматия. Свердловск, 1990. С. 11.
- ¹⁰ *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 21.
- ¹¹ См.: *Черная Л.А.* «Толкование нужнейших вещей» – философский словарь XVIII века // Некоторые особенности русской философской мысли XVIII века. М., 1982. С. 99–106.
- ¹² Там же. С. 103.

-
- ¹³ См.: Ф. 573. № 210. Инв. № 223. Философия натуральная (220 л.).
- ¹⁴ См.: *Аржанухин В.В., Павлов А.Т.* Философское образование в России // *Русская философия: Энцикл.* М., 2007.
- ¹⁵ Об этом см.: *Куценко Н.А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы. (Новые материалы). М., 2005. С. 17–25.
- ¹⁶ См.: *Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.Ф.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев, 1982. С. 308–312.
- ¹⁷ См.: *Григорьева И.Л., Салоников Н.В.* Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // *Лихудовские чтения. Материалы научной конференции «Первые Лихудовские чтения».* Великий Новгород, 2001. С. 86–90.
- ¹⁸ Существовавшие до рассматриваемого времени дефиниции философии, принятые на Руси в Средние века, подробно рассмотрены и изучены в современной историко-философской литературе. Так, русскоязычные их варианты изложены в исследовании М.Н.Громова «Структура и типология русской средневековой философии» (М., 1997. С. 54–60).